

Религиозное право в контексте межкультурного диалога в светском государстве

Панищев А. Л.

Россия, Курск. Курский институт социального образования

(филиал) Российского государственного социального университета

Тема взаимодействия религиозных и светских норм в правовом поле современного светского государства актуальна. Попытка устроить государственное внерелигиозное бытие человека в России была предпринята в советский период, когда общество надеялось построить сугубо человеческими силами мир, соизмеримый по своему совершенству с Царством Божьим. Недавняя историческая действительность показала несостоятельность таких надежд. Ввиду этого, тема религиозных основ государства сохраняет свою значимость в любые периоды социально-правового развития человеческого общества. Говоря о религии и государстве, невозможно не затронуть темы философской антропологии. Религия исповедуется человеком, государство им строится. Многие научно-философские категории (например, такие как категория личности) имеют исключительно христианские корни, а сам человек в религии занимает первостепенной важности место. Многие мыслители (С. Бенедикт, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, К. Ясперс, В.С. Соловьёв, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин и др.) считали, что религиозное чувство имеет антропологический характер. «Для человека, поскольку он человек, религия существенна и не может быть чужим его ощущениям».¹ Александр Мень в своём труде «История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни» (1-й том) проводит исследование, в котором обосновывается свойственность религиозного чувства природе человека. Вот почему, ставя вопрос о духовно-религиозных началах государства, мы неизбежно подходим к теме философско-антропологических основ государства и права. Ряд исследователей признают и то, что не только само право, но и философия права зиждется на религиозных правилах. Так, И.Д. Осипов пишет, что в основе развития философии права лежат религиозно-философские идеи, «в которых в той или иной степени выражен принцип верховенства права и его духовно-нравственный смысл». При этом И.Д. Осипов для обоснования этой мысли обращается к нормам Ветхого Завета.²

Для России начала XXI столетия вопрос взаимодействия религиозных принципов со светским законодательством усложняется

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия религии. 2 т. Т. 1, М., 1976. С. 208.

² Осипов И.Д. Идея правового государства в европейской философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17, 2013, выпуск 3. С. 12.

мультирелигиозностью Российской Федерации, поэтому в светском правовом поле необходимо искать определённое место для привития чувства уважения к разным религиозным традициям. В данной работе мы сделаем акцент на христианских и исламских нормах. При условии наличия сильной национальной культуры в России, изначально основанной на Православном Христианстве, тема отношений с исламским миром не была бы столь злободневна, однако на фоне кризиса христианского сознания современного русского общества исламское мировоззрение закономерно усиливается, что требует выработки более эффективных методов правового взаимодействия с мусульманским миром.

Прежде всего, важно учесть то, что, хотя религия гораздо более широкое понятие, чем этика, но без сохранения морально-этических норм религия рискует выродиться в сектантство, поэтому нравственную сторону жизни человека невозможно отделить от его религиозных предпочтений. В советский период развития России теме морального облика человека уделялось существенное внимание, а за совершение неблаговидных, аморальных поступков гражданин мог потерять руководящую должность. Кстати сказать, не случайно в мусульманском мире к советским гражданам относились с уважением; даже обращение афганского населения к советским солдатам – «шурави» – приняло доброжелательный в смысловом отношении контекст. В России с 1990-х годов понятие правосознания осталось в тени идеи законопослушности, а тема моральных характеристик была вытеснена вопросом: имеется ли у человека судимость? Однако такой перенос акцентов с естественного права на позитивное – это по сути прямой путь к формализму, в том числе и в отношениях между должностными лицами, и в подборе кадров на руководящие должности. Известно, что не всякий имморальный поступок уголовно наказуем, причём не всегда осужденного по уголовной статье можно упрекнуть в аморальности (отсюда и расхожее выражение: «от сумы и от тюрьмы не зарекайся»). Вместе с тем многие аморальные поступки ставят под сомнение профессиональную пригодность того или иного гражданина. В нашей действительности немало примеров такого рода, хотя многие апологеты толерантности считают, что «нельзя переходить на личности»; но грех имеет конкретного исполнителя, а ответственность – персональная как в земном судопроизводстве, так и в религиозном значении. Стало быть, без «переходов на личности» понятие ответственности размывается и становится условным, ни к чему не обязывающим. Так, известная спортсменка С. Хоркина, снявшись обнажённой в журналах «Playboy», «Maxim», не совершила уголовного преступления, но унизила не только себя, но и правительственную должность, которую занимает (напомним, что с 2012 года она назначена референтом Контрольного управления Президента Российской Федерации). Беря во внимание нормы религиозной культуры, категория стыда наделена важным антропологическим смыслом, поэтому половое бесстыдство граничит с демонизированностью. В русской философии эта мысль очевидна

в учении В.С. Соловьёва, рассматривавшего категорию стыда в качестве обязательного свойства человека.

Тем не менее, если бы поправление общекультурных норм сводилось бы исключительно к деяниям против общественной морали, то поднятая в статье тема носила бы более бытовой характер. Беря во внимание угрозу исламизма, которая по-прежнему сохраняется на территории РФ, нужно осмыслить тему аморальности в контексте поправления исламских и христианских правовых норм. В 2014 году в информационном поле российской общественности тема исламизма уступила место гражданской войне на Украине, спровоцированной политикой США, однако такое информационное положение вещей вовсе не означает того, что вопрос исламизма закрыт. Напротив, сконцентрировав всё внимание на юго-западных рубежах Отечества, можно не заметить усиления прежних угроз и рисков. Между тем новая война в Ираке, спровоцированная США, исламистами и Саудовской Аравией, однозначно свидетельствует о наращивании военно-политического потенциала саяфитов и в будущем может иметь очень серьёзные последствия для России.

Надо признать, для России проблема исламизма внутри страны является новой. В средние века Московское царство сталкивалось с ней на внешних пространствах в приграничных странах, что заставило русских царей предпринять ряд военных походов. Включённые в пределы Русского государства мусульманские общины становились на путь более высокой степени общественного, межкультурного развития, согласованного с фундаментальными свойствами человеческой природы, при этом сохраняя свою религию и обычаи своих предков. Подчеркнём, с христианами мусульмане, как правило, выстраивали достаточно стабильные правовые отношения. В Российской империи в 1773 году был издан указ о терпимости веротерпимости; с 1903 года по Уголовному уложению полагалось жёстко наказывать за оскорбление любой религии. Современное законодательство РФ также предполагает уголовную ответственность за оскорбление чувств верующих. Впрочем, надо признать то, что данный закон, если и действует, то в пределах культовых сооружений (храмов, мечетей). Так почему же с конца XX века эти веротерпимые отношения в ряде случаев оказались нарушенными и не всегда осуществимыми?

Для того чтобы лучше разобраться в данном вопросе, необходимо обратиться к тексту Корана, в котором акцентируем внимание на понятии «люди Писания». Под этим термином в исламском мире понимаются те группы верующих, которые выстраивают свои религиозные доктрины на основе Священных Писаний, наделяющихся надчеловеческим смыслом. Надчеловеческий смысл предполагает признание таких ценностей, которым подчинён сам человек и ради которых он готов пожертвовать своей жизнью. К людям Писания относят иудеев, христиан, а некоторые уммы – и зороастрийцев. У всех этих групп верующих есть священные Писания (Тора,

Евангелие, Авеста). Примечательным является то, что в Коране при апелляции к Ветхому Завету упор делается на Тору (Пятикнижие), где изложены основные нормы, имеющие практическое применение в области права. Это подчёркивает значимость правовых законов в мировоззрении мусульман. Надо полагать, будет неправильным отождествлять понятие «люди Писания» и «зимми» («те, с кем заключён договор»), поскольку последнее употребляется в сфере налогообложения, в котором зимми обязаны выплачивать джизью, одновременно освобождаясь от закята. В мире ислама трактовки категории джизьи различаются; однако в данной работе поставленной целью является не расследование преступлений, совершаемых исламистами за пределами РФ. Ввиду этого в представленной работе будет делаться акцент именно на понятии «люди Писания» и их рецепции в исламском праве.

Несмотря на ряд коранических предписаний, относящихся к указаниям воевать за мусульманскую религию и уничтожать кафи́ров, необходимо более внимательно прочесть формулировки коранических текстов, которые касаются характеристики «людей Писания». Слово «кафир» употребляется и в христианской среде; его лексическое значение – «неверный», то есть слово характеризует тех, кто неверен договору, заключённому между Богом и человеком. В христианской и иудейской традиции этот договор обозначен понятием «брит»; в зороастризме идея верности договору с Ахурой-Маздой персонифицирована в тварном божестве (или ипостаси Ахура-Мазды) Митре. Как мы видим, концепция договора между Богом и человеком очень древняя, а нарушение этого договора считается крайне тяжким преступлением и грехом. Несмотря на то, что христиане редко обращаются к понятию «неверный», оно имеет место быть и в христианском мировоззрении. Договорной контекст религий, в основе которых лежат Писания, подчёркивает важность развитого правосознания последователей данных вероучений.

В Коране о христианах пишется с подчёркнутым уважением, как о людях, избежавших такого тяжкого греха, как гордыня. Более того, в Коране (5 : 82) отмечается то, что, в отличие от иудеев и язычников, христиане не враждуют с мусульманами. Стало быть, в догматическом богословии ислама не предполагается обязательного конфликта с христианским миром. Несмотря на это обстоятельство, такой конфликт имеет место быть. Чтобы понять важную его составляющую, обратимся к другому фрагменту из Корана, в котором сказано, что если бы «люди Писания» «придерживались Торы и Евангелия и того, что ниспослано им от их Господа, то было бы пропитания у них выше головы и под ногами. Из них есть люди достойные, но многие совершают дурные деяния... «О люди Писания, не будет у вас никакой веры, пока не станете вы придерживаться Торы и Евангелия и того, что ниспослано вам от Господа вашего в Коране» (65-66 : 5). Для христиан Коран не является священной книгой (что, впрочем, не отменяет уважения к Корану как священному Писанию мусульман); Библия в Христианстве

является принципиально значимой Книгой, и по соблюдению библейских норм христианами мусульмане могут формировать к ним [христианам] своё отношение. Здесь напрашивается закономерный вывод: исламский мир может мирно сосуществовать с христианским лишь в том случае, если сами христиане придерживаются норм своего вероучения. Более того, отношение мусульман к Иисусу Христу почитаемое. Несмотря на то, что в исламе не признаётся богочеловечность Христа, Он рассматривается мусульманами как великий Пророк, через Которого Господь дал людям Евангелие. Из своего опыта богословского общения с мусульманами отмечу, что в частной беседе с киевскими мусульманами на конференции в Донецке (апрель 2013 года), специалист по шариату сказал, что если бы в исламской стране кто-то в оскорбительной форме выразился бы в адрес Иисуса Христа, то долго бы не прожил. Поэтому законы, предлагаемые в Библии, есть основа не только духовного благополучия христиан, но и нормальных правовых отношений с мусульманами.

На основе Корана был выработан *шариат* (с арабского языка – *глубокое знание*). Шариат – это система предписаний, законов, которыми должны руководствоваться мусульмане для духовного совершенствования. В шариате сосуществуют две части: первая регулирует поведение человека по отношению к Аллаху (*ибадат*), вторая – по отношению к своим ближним. Причём особое внимание шариат уделяет государственной и частной жизни человека. Если же говорить об общей классификации преступлений в исламской правовой культуре, то здесь следует выделить три категории:

1. *Ходуд (Хадд)* – это особо тяжкие преступления против Аллаха. Само слово *ходуд* означает *пределы*. Мера наказания за преступления ходуд определяется только нормами шариата, и ни кади, ни муджтахид не вправе заменить форму и меру наказания по своему усмотрению, то есть *иджтихад* здесь невозможен. К таким преступлениям относятся, прежде всего, следующие: богохульство, вероотступничество, блуд, прелюбодеяние (интимные отношения вне официального брака, супружеская измена, проституция), разбой, многократное распитие спиртных напитков. Исключительно внимательное, жёсткое отношение к блуду и прелюбодеянию. Чтобы обвинить человека в столь страшном и позорном преступлении, нужны веские доказательства, а за ложное обвинение положено 80 ударов палками.

2. *Кисас* (переводится как *возмездие*) относится к категории тяжких преступлений, направленных против своего ближнего. Такие правонарушения считаются не такими тяжкими, как ходуд, но, тем не менее, и за ряд преступлений кисас полагается смертная казнь. Главное отличие преступлений кисас от преступлений ходуд заключено в том, что судья, особенно если он муджтахид, имеет право заменить казнь денежным штрафом (*диа*), что подтверждается 92 аятом 4 суры Корана. Так, если мусульманин убил другого мусульманина, судья может заменить казнь

штрафом, если посчитает, что убийство было случайным или спровоцированным аморальным поведением жертвы. Соответственно, кясас включает в себя в основном такие преступления, как умышленное убийство и серьёзные телесные повреждения. Если родственники погибшего простят убийцу и не потребуют кясаса, то подсудимый может избежать смертной казни. В том случае, когда гражданин убил явно безнравственного человека, то убийца судом может быть оправдан.

3. *Таазират* (или *таазир*) охватывает те преступления, наказания за которые могут быть определены самим судьёй по принципу иджитхада. Слово *таазират* означает *осуждение*. Как правило, это не слишком тяжкие преступления, за которые предусматривается лишение свободы, штраф, розги. В России многие из таких правонарушений называли бы административными.

Говоря о соотношении такой классификации преступлений со светским законодательством, надо понимать, что в последнем доминирует гуманистическое мировоззрение, которое косвенно связано с атеизмом. В гуманизме высшей ценностью является сам человек, в то время как в религиозном мировоззрении человек подчинён Богу. Если в светских странах самым тяжким преступлением является убийство, а подобное рассуждение, как «хуже смерти ничего нет», – наиболее распространённое среди гуманистов и атеистов, то для религиозного человека акт против него самого может быть прощён на основе милосердия или смиренномудрия. Преступления же против души человека и Бога никогда (или почти никогда) без покаяния не прощаются. В этом отношении примечательны такие библейские слова: «Всякий грех и хула простится человекам, а хула на Духа Святого не простится человекам... если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему не в сем веке, ни в будущем» (Евангелие от Матфея 12 : 31-32). Таким образом, мы видим то, что правовая система, предложенная в религиозной среде, кардинально отличается от светской правовой системы. Например, в светском государстве половая связь вне законного брака между людьми, достигшими шестнадцатилетнего возраста, считается допустимым и частным делом, защищённым законом о неприкосновенности личной жизни. В религиозном же праве упор делается не на возрастных ограничениях, а на порядочности в отношениях, что само по себе подчёркивает недопустимость интимной связи вне законного брака. Такая установка связана с обострённым чувством чести и собственного достоинства, определяемого убеждением в том, что человек несёт в себе образ Божий. Аморальное поведение рассматривается как осквернение в себе этого образа. Особенно жёсткое отношение в христианском и исламском мирах к тем, кто рекламирует грех, вовлекает в него других людей. «Горе миру от соблазнов: ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Матф. 18 : 7). В религии *проклятым* считается тот, кто губит соблазнами души других людей. Здесь важно акцентировать внимание на том, что в религиозном мировоззрении, в крайних полярных значениях, употребляются

понятия проклятья и благословения, которые не зависят от человеческих форм и способов бытия. Категория проклятья для светского права не имеет смысла, но его семантическое наполнение в религиозном праве определяет всю меру ответственности преступника. Зададимся риторическим вопросом: может ли власть, в среде которой есть такого рода проклятые, пользоваться уважением среди религиозных людей? Понятно, что мы живём в светской стране; и никто не призывает побивать камнями явно деградированных чиновников, но это отнюдь не значит снисходительно относиться к откровенно аморальному поведению чиновников высшего ранга, тем самым – пусть и невольно – потворствуя и пропагандируя в массах, особенно среди молодёжи, аморальные формы поведения. Последние, как правило, несут в себе серьёзную опасность и для морального, и для материального состояния общества.

Следовательно, очевидным фактом является то, что в стране, где значительная часть населения отождествляет себя с той или иной религиозной традицией, граждане, занимающие управленческие должности, обязаны в своём и в частном, и в деловом образе жизни соответствовать общим нормам религиозной культуры. Чтобы данная фраза стала не декларацией, которая ни к чему не обязывает, а правовой нормой, необходимо чётко, в законодательном порядке прописать статус кодекса чести. Известно, что кодекс чести и профессиональной этики существует у судей, адвокатов, прокуроров... Тем не менее остаётся непонятным значение категории *честь* и место кодекса чести в профессиональной жизни человека. Если кодекс чести носит рекомендательный характер, то отпадает смысл в его официальности и публичности – тогда можно ограничиться общими моральными наставлениями. Дефиниции категории чести уже есть, причём вполне конкретные. Так, архимандрит Платон даёт такое определение понятию *честь*: «Честь – это внутреннее, данное самому себе право оценивать себя и своё существование в категориях самоуважения». Объективными факторами, дающими право на честь, являются целомудрие и благородство. Целомудрие – идеальная аксиологическая норма природного состояния. Благородство – идеальная аксиологическая норма личностного состояния.³ Бесспорно, в светских учреждениях допустимы редакции данного определения, поскольку оно должно быть приемлемым как для религиозной сферы, так и для светской этики. Тем не менее принятая редакция должна сохранить конкретное смысловое содержание, иначе любой гражданин, независимо от своего образа жизни, может заявить, что у него есть честь, которую государство обязано защищать. Такого быть не должно, иначе будет утрачен смысл в дефиниции понятия *честь*. В конце концов, суд может защищать честь гражданина лишь в том случае, когда таковая у него имеется, то есть, если человек ведёт благородный, ответственный образ

³ Архимандрит Платон. Православное нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – С. 240.

жизни. Не менее важным является законодательное предписание об обязательном следовании нормам чести для лиц, занимающих высшие административные, чиновничьи должности. Такое предписание может быть зафиксировано в трудовом договоре, а ещё лучше – в трудовом законодательстве (напомним, что тут речь идёт об обязательности требований этического характера, предъявляемых лицам, занимающим административные, управленческие должности).

Говоря о нормах чести, мы подходим к фундаментальному свойству человеческой природы – к целомудрию, или благоразумию. Разумеется, целомудрие и благоразумие имеют лексические смысловые отличия, но вместе с тем они тесно связаны друг с другом и взаимно друг друга предполагают (тем более слово *целомудрие* происходит от греческого, переводимого в значении *благоразумие*). Отсюда не случайно духовная чистота правителя предполагает его благоразумное правление государством. Понятие целомудрие нельзя отождествлять с понятием девства (которое является только его частью в добрачном состоянии). Целомудренность предполагает ответственное, честное отношение как к семейным ценностям, так и к профессиональным обязанностям, иначе говоря, целостность человеческого мировосприятия. Стало быть, как бы ни стремились отдельные граждане преподнести эту категорию в качестве некоего архаизма, вне целомудрия немислимо человеческое бытие, тем более эффективное государственное правление. В России многие высшие государственные чиновники отмечают важность возрождения культурных традиций; но без принятия в повседневное мышление граждан категорий традиционной культуры, такого плана рассуждения останутся лишь добрыми пожеланиями.

Наиболее правильным являлось бы дополнение к Конституции РФ, где было бы сказано, что целомудрие граждан является ценностью национальной культуры, которую государство обязано защищать. В этом случае общество добивалось бы корреляции между секторальным законодательством и конституционным правом, а, стало быть, наибольшей резистентности правового сознания граждан по отношению к аддиктивным формам поведения.

Вышеотмеченные меры посодействуют тому, что сектор государственной службы станет прерогативой благородных людей, граждан с высокой нравственностью, соединённой с честностью, самоотверженностью. Причём, подчеркнём, термин *благородство* здесь имеет не сословный контекст, а этический, обеспечивающий потенциал кадровой элиты нации, её своевременную сменяемость в рамках правового поля. Разумеется, если мы берём во внимание категорию благородства, то значимость этических норм распространяется не только на государственных служащих, но – что немаловажно – на членов их семей.

Следует отметить, практическое применение норм религиозной культуры может быть усвоено в местных органах власти в соответствии с местными традициями. К примеру, если человек публично демонстрирует свою принадлежность к определённой религиозной традиции, при этом совершает административные правонарушения, которые одновременно противоречат канонам его религии, то в административном праве необходимо предусмотреть возможность наложения дополнительного штрафа в пользу той религиозной общины, членом которой он считается. Так, если мусульманин (предположим, в Татарстане или в Ичкерии) задержан правоохранительными органами за распитие спиртных напитков, на правонарушителя накладывается штраф в двойном размере (половина его – в пользу местной уммы). В случае же, если задержанный занимает высокую административную должность, общественные организации имеют право поставить вопрос о целесообразности нахождения чиновника на занимаемой им должности. Назовём это *религиозной ответственностью в административном праве*. Таким образом, гражданин должен будет не просто декларировать свою религиозность, нередко в электоральных целях, но практически нести ответственность за попрание канонов своей религии. Тем более на фоне публичной религиозности канонические нарушения могут трактоваться как введение избирателей в заблуждение. Конечно, человек, как гражданин светского государства, может заявить о том, что является атеистом, но тогда он не только освобождается от двойного штрафа, но и перестаёт считаться членом религиозной общины. В Христианстве это означает то, что отрёкшийся от своей веры теряет возможность евхаристического общения, право на освящение каких-либо вещей, наконец, право на отпевание (в случае кончины).

В увольнении за игнорирование религиозных канонов (когда речь идёт не об атеисте) нет нарушения прав человека, поскольку если гражданин не соответствует профессиональным критериям в сфере этики, то он увольняется в соответствии с требованиями трудового договора. Причём уволенный чиновник беспрепятственно может устроиться на иную работу, не связанную с государственным или экономическим управлением, например, токаря, шахтёра, фермера. Здесь надо чётко осознать, что государственный чиновник должен отвечать ряду критериев, которые не всегда очевидны. Так, безногий человек не может поступить в училище ВДВ; если человек является дальтоником, то он не может стать машинистом железнодорожного транспорта; если у человека нет чести, он не имеет права быть государственным чиновником.

Таким образом, мы можем сделать вывод о значимости норм религиозной культуры нации в процессе диалога с представителями иных религий и культур. В качестве рекомендаций предлагаем: во-первых, законодательно закрепить категорию чести для государственных служащих; во-вторых, зафиксировать роль кодекса чести в профессиональной деятельности должностного лица; в-третьих, зафиксировать понятие

целомудрия в качестве ценности национальной культуры в Конституции Российской Федерации. Также необходимо рассмотреть вопрос о религиозной ответственности для лиц, считающих себя частью определённой религиозной традиции, в рамках административного права.

Литература

1. Архимандрит Платон. Православное нравственное богословие / Архимандрит Платон. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – С. 240.
2. Гегель, Г.В.Ф. Философия религии / Г.В.Ф. Гегель. – 2 т. Т. 1. – М.: «Мысль», 1976. С. 533.
3. Мень, А. История религий: В поисках Пути, Истины и Жизни / А. Мень. М.: СПб.: «Слово», 1991. – 287 с.
4. Осипов И.Д. Идея правового государства в европейской философии / И.Д. Осипов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 17, 2013, выпуск 3. – С. 12-21.

Данная статья в виде записки была подана в Российский институт стратегических исследований 3 июля 2014 года. В ней говорится о сохранении угрозы исламизма, причём усиленной посредством войны в Ираке, а также о необходимости приведения кадровой политики в высшем чиновничьем аппарате в соответствие общекультурным нормам и канонам Христианства.